

УДК 338.984

О ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА И ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ПЛАНИРОВАНИИ (о книге В.Н. Лаженцева «Содержание, системная организация и планирование территориального развития»)

А.Н. Демьяненко

Демьяненко Александр Николаевич – доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042. E-mail: demyanenko@ecrin.ru.

В рецензии на монографию В.Н. Лаженцева «Содержание, системная организация и планирование территориального развития» анализируются предлагаемые автором основные концепты территориального развития. Акцент сделан на авторском наблюдении за процессами территориального развития; практике, теории и методологии; территориально-хозяйственных системах; планировании территориального развития. Рассматривается эволюция взглядов автора на проблемы пространственного развития России. Особое внимание уделяется проблемам развития северных территорий.

Рецензия, структура монографии, территориально-хозяйственные системы, территориальное развитие, организация, планирование, северные территории, Россия.

DOI: 10.14530/se.2015.3.158-179

ВВЕДЕНИЕ (или о том, как следует наблюдать «простые явления повседневной жизни людей» и для чего это необходимо)

Есть достаточно редкая категория научных публикаций, которые не только содержат полезную для читателя информацию, но побуждают читателя думать. Монография В.Н. Лаженцева «Содержание, системная организация и планирование территориального развития» [9], несомненно, относится к числу таковых. Сказанное вовсе не означает, что содержащиеся в рецензируемой работе результаты, в том числе имеющие сугубо практический характер, а также различные гипотезы и идеи претендуют на статус истины в последней

инстанции. Вовсе нет, более того, представляемая читателям книга носит в немалой мере полемический характер, приглашая к дискуссии.

Чтобы лучше понять и авторский замысел, и его реализацию, рецензенту (автору этих строк) придется не один раз выходить за рамки сюжетов, помещенных в книге. Этому есть следующие объяснения: во-первых, В.Н. Лаженцев не одно десятилетие занимается исследованиями в области экономической географии и региональной экономики, во-вторых, несомненно, он – лидер научной школы (и неважно, имеет ли она официальный статус, но фактически – несомненно). Следовательно, рассматривать основные положения монографии следует в контексте эволюции представлений о природе территориального планирования и самого В.Н. Лаженцева, и научной школы, лидером которой он остается на протяжении уже не одного десятка лет.

Несмотря на то, что в явном виде цель монографии не сформулирована (что можно понять – итоговая научная работа не тот жанр, чтобы подробно и обстоятельно рассуждать о целях, задачах и т. п., а потенциальные читатели – люди искушенные в тех вопросах, которые вынесены автором в название работы и ее отдельных глав и разделов), внимание читателей следует привлечь к нижеследующему: *«Исходная идея автора заключается в необходимости вместе с модернизацией производительных сил России и гармонизацией отношений развивать территориальное общение людей, укреплять их социально-экономические связи. Показано, что делать это необходимо на принципах устойчивого развития и с консолидацией ресурсов для наведения желаемого порядка в окружающей человека среде и повышения эффективности местной экономики»* [9, с. 3]. При этом местную экономику «вероятно, можно присоединить к той, которая обозначается как эксполлярная (не рыночная и не плановая), она имеет свои стоимостные пропорции локального общественного воспроизводства» [9, с. 4].

Местная экономика – не единственный объект исследований автора монографии, исследовательское поле у него намного шире – это *«территориально-хозяйственные системы разной размерности»* [9, с. 3].

Законы жанра требуют от автора этих строк хотя бы кратко описать структуру монографии, которую он представляет читателям. Начнем с того, что констатируем: В.Н. Лаженцев весьма оригинальным образом вводит читателя в круг проблем территориального развития. Он начинает разговор с того, что демонстрирует, как на протяжении многих десятилетий *«наблюдал относительно простые явления повседневной жизни людей, которые естественным образом связаны с территорией»* (гл. 1) [9, с. 7]. Далее последовательно рассматриваются вопросы взаимоотношений между практикой, теорией, методологией и территориальным развитием (гл. 2), затем акцент смещается на рассмотрение территориально-хозяйственных систем (гл. 3) и рациональное природопользование (гл. 4), и, наконец, в последней главе автор переходит к

проблемам территориального планирования (гл. 5). Отметим, что через всю работу проходит тема российского Севера, что и неудивительно — В.Н. Лаженцев — один из авторитетнейших специалистов по проблемам этой удивительной территории.

О ТОМ, КАК СЛЕДУЕТ НАБЛЮДАТЬ «ПРОСТЫЕ ЯВЛЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ» И ДЛЯ ЧЕГО ЭТО НЕОБХОДИМО

Оказывается, наблюдения бывают полезны не только для описания тех или иных экономических явлений, но и для их объяснения. Причем, как это убедительно демонстрирует В.Н. Лаженцев, независимо от того, с чем имеем дело — с отдельными видами экономической деятельности или территориальными системами.

Продемонстрируем это на примере нескольких сюжетов.

Сюжет первый имеет непосредственное отношение к многолетним наблюдениям В.Н. Лаженцева за процессами, происходящими в сельской экономике, результатом которых стал основной вывод: *«Вопрос о дотациях, который в экономике сельского хозяйства нередко выдвигается на первый план, не является главным. Важно правильно оценить фундаментальные процессы формирования условий жизнедеятельности в сельских районах. Здесь много проблем, но было бы крайне неразумно их решение адресовать лишь сельским жителям»* [9, с. 10].

Сюжет второй имеет отношение к наблюдениям, которые имели место в ходе изучения автором специфической интегральной экономической системы — Тимано-Печорского ТПК. Вывод, к которому он приходит, на первый взгляд не блещет новизной: *«Практика государственного управления взяла от науки о ТПК лишь идею взаимоувязки строящихся предприятий, как правило, на вновь осваиваемых территориях, не связывая ее с районированием»* [9, с. 18]. Но, как и в предыдущем случае, автор четко формулирует проблему, а это — дорогого стоит! Ибо верно описанная проблемная ситуация в немалой мере содержит в себе и ее решение.

О ТОМ, ЧТО ЕСТЬ ПРАКТИКА, ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И КАК ОНИ СООТНОСЯТСЯ МЕЖДУ СОБОЙ

Логика, которой придерживается В.Н. Лаженцев при рассмотрении вопросов, вынесенных в название второй главы, может быть представлена следующей схемой: практика (точнее, совокупность практик) — теория (точнее, ряд теоретических моделей) — методология, обеспечивающая связь практики

и теории. Все вместе они «работают» на обеспечение эффективного территориального развития.

Практика (точнее — экономико-географическая практика) выступает в виде следующих направлений деятельности: *«гео- и региональной политики, районирования, территориального планирования, региональной и муниципальной статистики, геоинформатики и картографии, районного и ландшафтного проектирования, географической и экологической экспертизы»* [9, с. 25]. К этому перечню затем добавляется геопланировка, которая *«по сути, является проектированием территориально-хозяйственных систем (ТХС). <...> При разработке схем территориального планирования, генпланов городов ...необходимо сопряженно учитывать все более или менее значимые характеристики территории — от геологии до этнокультуры. Такое осуществляется далеко не всегда...»* [9, с. 26].

Далее следует крайне обязывающий вывод: *«Объединить указанные виды практик в единую систему можно только на основании теории социально-экономической географии и региональной экономики»* [9, с. 26].

Здесь следует сделать паузу и попробовать разобраться с тем, что есть «практика», когда речь идет о территориальном развитии, а заодно с тем, как теории социально-экономической географии и региональной экономики выступают в качестве «объединяющего» начала.

Обратимся к истокам. В 1996 г. В.Н. Лаженцевым была опубликована монография «Территориальное развитие: методология и опыт регулирования» [12], где можно найти следующее определение категории «территориальное развитие»: *«...прогрессивно направленное изменение пространственной структуры народного хозяйства для создания оптимальной среды жизни населения; это превращение территории из «не-района» в район и переход района из одного качества в другое; это экономико-географический процесс формирования и качественного преобразования районных хозяйственных систем»* [12, с. 7].

Через полтора десятка лет, уже в 2010 г., В.Н. Лаженцев вновь возвращается к проблеме дефинирования территориального развития: *«В первом приближении пространственное развитие можно трактовать как согласованные на уровне мировых, национальных, региональных и локальных общественных и властных структур прогрессивные изменения в освоении и воспроизводстве природных ресурсов, размещении и внутреннем содержании производительных сил, в расселении населения и обустройстве среды жизнедеятельности»* [10, с. 12].

Наконец, в 2013 г. в итоговой монографии по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития РФ: междисциплинарный синтез», где В.Н. Лаженцев выступает в качестве соавтора, приводится еще одно определение пространственного развития: *«...прогрессивные изменения в размещении производитель-*

ных сил, расселении населения, освоении и воспроизводстве природных ресурсов, сохранении и обустройстве среды жизнедеятельности» [2, с. 482].

Конечно, читатель здесь вправе упрекнуть автора этих строк в том, что он не обратил внимания на то, что в одном случае В.Н. Лаженцев говорит о территориальном, а в другом — о пространственном развитии. Но, по большому счету, в упомянутых публикациях, если и существуют различия между «территорией» и «пространством», то они трудноуловимы¹.

Другое дело, что в отечественной литературе существует два достаточно явно выраженных подхода к соотношению упомянутых выше понятий. С точки зрения одной группы исследователей (экономистов, географов, социологов, политологов), эти два понятия фактически — синонимы; для другой части научного сообщества — эти понятия различны именно в содержательном плане².

Следует обратить внимание на следующие положения. Во-первых, пространственное развитие иерархично, т. е. оно протекает на глобальном, национальном, региональной и локальном уровнях. Во-вторых, «это (территориальное развитие) превращение территории из «не-района» в район и переход района из одного качества в другое» [12, с. 7]. В конечном счете, это означает, что «территория» — объект, не обладающий системными свойствами, тогда как «район» — объект, обладающий ими.

Вернемся вновь к рецензируемой монографии, в которой можно обнаружить следующее важное в методологическом отношении положение: «*Пространственное развитие и территориальное развитие соотносятся как общее и часть, но именно та часть, которая обеспечивает «привязку» пространства к механизмам устойчивого развития*» [9, с. 67]. Вопрос о том, надо ли понимать «пространственное развитие» как область теоретических построений, а «территориальное развитие» как область прикладных исследований, остается без ответа.

На этом «практика» заканчивается, и мы вслед за В.Н. Лаженцевым перейдем к рассмотрению теорий и ключевых понятий, памятуя о том, что все перечисленные виды практик объединить можно только на основе социально-экономической географии (СЭГ) и региональной экономики.

¹ Как представляется, не спасает положение и указание на то, что «...с методологической точки зрения «пространственное развитие» целесообразно рассматривать по принципу матрешки: внутри находится проблематика комплексного социально-экономического развития стран и регионов, затем идет региональное развитие, далее — территориальное развитие, и все это объединяет пространственное развитие» [10, с. 12].

² Отметим, что вторая точка зрения — ближе, хотя нельзя полагать эту позицию единственно верной. Чтобы упорядочить используемую в тексте терминологию, автор рецензии посчитал возможным в дальнейшем использовать термин «территория», когда речь идет о реальной экономике, термин «пространство» и производные от него, когда речь идет об абстрактном экономическом пространстве (более подробно см. в [3; 13]).

При этом «СЭГ изучает общественные геосистемы» [9, с. 28], а региональная экономика — «наука о механизмах формирования и развития территориальных хозяйственных систем» [9, с. 29]. Что же касается зоны перекрытия этих наук, то это, по мнению автора монографии, «хозяйство (природно-социально-техническая система) и хозяйственные отношения (воспроизводство природно-ресурсного и человеческого потенциалов, необходимых благ и условий жизнедеятельности)» [9, с. 29].

В исследовательском фокусе можно обнаружить территориально-хозяйственные системы (ТХС) и системы управления ими, где «ТХС мы определяем как совокупность распорядительных центров и их ресурсов, объединенных общими интересами местоположения и совместной деятельности по созданию благоприятных условий для реализации данных интересов. Предпосылки формирования и развития ТХС заключены в общественном характере хозяйства» [9, с. 36]. И если в это определение добавить, что в состав ТХС входят «объекты природы, социумов, расселения населения, производства и управления» [3, с. 37], то следует признать, что ТХС очень напоминают экономические районы, во всяком случае, для первых трех из пяти «идеальных» видов ТХС¹.

Как бы ни были интересны ТХС сами по себе, для автора монографии они представляют особый интерес в качестве объектов регулятивной деятельности, которую он обозначает как территориальное хозяйствование. Здесь следует обратить внимание на то, что «территориальное хозяйствование» — категория, не очень вписывающаяся в систему регионального управления. И в этом нетрудно убедиться, если обратиться к следующему определению: «Деятельность человека, общностей людей, органов местного и регионального управления по поводу формирования и рационального использования личной, муниципальной и субфедеральной собственности с выгодой для общества в целом мы называем территориальным хозяйствованием» [9, с. 40].

Можно соглашаться или не соглашаться с таким подходом, как и с той логической схемой, которую автор применяет при объяснении механизмов и инструментов территориального хозяйствования. Но трудно не согласиться со следующим выводом: «...прежде чем оперировать ценами, налогами, тарифами и пр., необходимо разобраться в сути социально-экономических процессов, таких как районообразование, внутри- и межрегиональные отношения,

¹ Эти пять видов «идеальных» ТХС на самом деле представляют собой не типологию, а таксономию. Причем в основе лежит таксономия единиц физико-географического районирования, хотя и не в полной мере логически выдержанная. Под нарушением логики имеется в виду лишь то, что первые два вида «идеальных» ТХС: «место — семья — дом — домохозяйство — домовладение» и «местность — община — поселение — предприятие — сход» — не вполне соответствуют трем последующим, которые начинаются следующим образом: физико-географический округ, физико-географическая провинция и физико-географическая область.

саморазвитие и т. п. Именно от источников и движущих сил развития следует двигаться в сторону экономических регламентов и стимулов, а не наоборот» [9, с. 41]. Увы, но практика зачастую свидетельствует об обратном, причем независимо от уровня государственного управления: локального, регионального или федерального. Что же касается упомянутого выше вовлечения общностей людей или, точнее, социально-территориальных общностей в процессы территориального хозяйствования, то это — дело далекого будущего.

Что же касается научных теорий, анализируемых В.Н. Лаженцевым применительно к тематике территориального развития, то откровений здесь нет (такой задачи автор себе и не ставил), но есть интересные трактовки известных теоретических построений.

Например, теория функции места. Автор полагает, что *«...природные и исторически приобретенные свойства и качества конкретных территорий [то есть — «места»] надо ценить как экономическое и социальное благо»* [9, с. 50]. Да, наверное, природные и исторически приобретенные свойства и качества места — это блага. В то же самое время упомянутые свойства и качества — это ресурсы и возможности не только экономического роста, но и социального развития. При определенных условиях блага, ресурсы и возможности того или иного места могут быть «перематрированы» в ограничения роста и экономики и социального развития.

«Ошибочно считать, что природой каждому месту определена одна функция: «одно место — одна функция» [9, с. 50]. Ошибочно — с этим можно согласиться. Однако на таком подходе в явном, а чаще в неявном виде строятся многочисленные региональные и муниципальные стратегии — это факт, который трудно оспорить. Можно предположить, что привнесение динамики в столь устойчивый феномен, каковым является «место», создает большие неудобства для разработчиков стратегий. Ибо, с одной стороны, есть желание (не всегда подкрепленное возможностями) увидеть «светлое будущее» уже в не столь отдаленной перспективе, а сложившаяся структура «мест», то есть территориальная структура экономики и систем расселения населения, зачастую обладает таким качеством, как инерционность. С другой стороны, даже поверхностный стратегический анализ приводит к парадоксальному выводу: существует не только конкуренция товаров и услуг, но и «мест». И эта конкуренция за места предполагает, как это справедливо отмечает В.Н. Лаженцев, *«наличие «третьего суда», роль которого выполняют институты территориального планирования и районного проектирования»* [9, с. 50]. То, что «третьей суд», то есть регулятор на рынке «мест», необходим, принимается без каких бы то ни было оговорок, а вот то, что в этом качестве выступают «институты территориального планирования и районного проектирования», вызывает большое сомнение. И сомнения эти даже не в том, что трудно обнаружить

в современной системе государственного управления РФ структуры, которые можно было бы идентифицировать как институты, но вот обнаружить их влияние на рынок «мест» весьма затруднительно. Чего стоит только очередная новация, идущая под лозунгом «даешь ТОР и ТОСЭР в каждую губернию»!

Заслуживают внимания трактовки теоретических моделей, рассматриваемых В.Н. Лаженцевым в контексте территориального развития. В параграфе, посвященном «центр-периферийным» теориям, находим небесспорное, но крайне интересное суждение: *«Городские поселения на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке находятся далеко друг от друга, а потому на огромных территориях нашей страны связь по линии «центр – периферия» исчезает; в виде исторического реликта остается социально-экономический анклав со своими источниками и условиями развития, мобилизация которых крайне затруднена»* [9, с. 55]. Согласиться следует, прежде всего, с тем, что городские поселения на Севере, в том числе и на европейском Севере, находятся далеко друг от друга, и по этой причине связь по линии «центр – периферия» исчезает. Но если выйти за пределы Севера, то на юге Азиатской России¹ связь по линии «центр – периферия» никуда не исчезает. Любой крупный, а нередко и не очень крупный город в пределах той части «осевой макроэкономической зоны», которые приходятся на Сибирь и Дальний Восток, имеет более или менее выраженную периферию.

Следует также обратить внимание на суждения В.Н. Лаженцева относительно того, что есть периферийность. По его мнению, которое в полной мере разделяет и автор этих строк, *«...понимание периферийности как косности, невосприимчивости к инновациям, ущербности в силу транспортно-экономической оторванности, справедливо лишь частично. Главное заключается в том, что периферия является не изолированным, но особым человеческим миром со своим укладом жизни»* [9, с. 55]².

Но, пожалуй, наибольший интерес представляют два заключительных сюжета: а) районообразование и районирование; б) геосистемный подход.

Районообразование, т. е. процесс образования районов, по мнению автора монографии, заключается в следующем:

- *«производительные силы обладают свойствами локализации, регионализации и глобализации, что проявляется как объективный закон общественного развития;*

¹ В работе [13] эта территория рассматривается в качестве срединной (или осевой) макроэкономической зоны.

² Рассуждая о периферийности, будет уместным вспомнить о депривационной концепции, предлагаемой Т.Е. Дмитриевой, согласно которой периферия представляет собой *«пространственную эксклюзию», то есть территорию, исключенную из нормальных условий жизнедеятельности и процесса регионального развития из-за недостаточности территориального капитала»* [5, с. 20; 6].

- *естественно-исторические процессы взаимодействия природы и общества приводят к образованию территориальных систем различных видов: производственных, транспортных, экзистических (расселение населения), сферы услуг, природно-экологических и др.;*

- *данные системы составляют ячейки территориальной структуры народного хозяйства, которые обладают как общими, так и специфическими свойствами;*

- *по мере развития производительных сил и производственных отношений усиливается согласованное развитие указанных систем, каждая из которых специфична, но взаимосвязана и соразмерна с другими;*

- *такая соразмерность и взаимосвязь в наибольшей мере проявляются в рамках крупного (основного) экономического района;*

- *крупный (основной) экономический район — большая система, фундаментальная региональная структура, имеющая определенную меру хозяйственной самодостаточности и обладающая потенциалом самоорганизации, самоуправления и целесообразности поведения;*

- *в системе государственного стратегического планирования главную роль играют крупные экономические районы, в территориальном устройстве — экономические подрайоны (районы областного типа), в формировании социальных сообществ — экономические микрорайоны» [9, с. 57–58].*

Столь обширная цитата приведена по одной причине: если провести выборку, то велика опасность искажения логики той системы районообразования, которой придерживается В.Н. Лаженцев. Внимательно вчитываясь в приведенный текст, можно выделить в нем две части.

Первая — традиционная (во всяком случае, для отечественной экономической географии и региональной экономики), содержит изложение причин, в силу которых происходит формирование экономических районов как разновидности территориальных социальных и экономических систем.

Вторая — вовсе не традиционна и содержит, как минимум, несколько далеко не бесспорных положений или вопросов.

- Почему соразмерность и взаимосвязь проявляются в наибольшей мере в рамках крупного (основного) экономического района? Конечно, размер имеет значение! Но, может быть, все-таки в данном случае дело не в размере (кстати, это еще большой вопрос, как измерить этот самый размер), а в стадии развития района?

- Почему только крупному (основному) району присущ потенциал самоорганизации, самоуправления и целесообразности поведения?

- Если с определенными оговорками признать, что в системе государственного стратегического планирования главную роль играют крупные эко-

номические районы, то почему в территориальном устройстве (кстати, не совсем понятно, об устройстве чего речь идет) на эту роль претендуют уже экономические подрайоны (то есть фактически субъекты Федерации)?

• И совсем непонятно, почему формирование социальных сообществ – прерогатива экономических микрорайонов?

Представляется, что более последовательным было бы признание того факта, что экономические районы разного таксономического уровня – основной или крупный экономический район, экономический район мезоуровня и экономические микрорайоны – есть не что иное, как результат делимитации экономического пространства на различных иерархических уровнях. Если же объединить и природу и общество (в том числе и экономику, и социальную сферу, и политическое устройство), то вряд ли выделенный по таким основаниям район будет экономическим. Скорее всего, это компаж или универсальный район, то есть некая проекция территориальной организации общества на физико-географическое (ландшафтное) основание. Конечно, со второй половины 1920-х гг. именно такого рода районы получили название, прежде всего в географии, экономических районов, но вряд ли это оправдано в настоящее время.

И здесь уместно вспомнить, что В.Б. Сочава, внесший немалый вклад в разработку геосистемного подхода, полагал, что «...сопоставление природного (условия и ресурсы) потенциала геосистем с перспективами развития территориально-производственного комплекса дает значительно больше для организации производственного процесса, чем тотальная их трактовка» [17, с. 11]. Добавим к словам классика отечественной географии лишь одно: такое сопоставление дает больше не только для организации производственного процесса, но и для понимания экономических процессов.

Означает ли все сказанное выше, что автор этих строк отрицает необходимость учета природных факторов при экономическом районировании? Вовсе нет! Учет неэкономических факторов, прежде всего физико-географических, как правило, необходим при осуществлении экономического районирования, но не более того. Это созвучно с мнением В.П. Семенова-Тян-Шанского: «...экономические районы всегда были и будут искусственными. Они тем прочнее, чем сильнее в них выражен физико-географический элемент» [16, с. 25].

Возвращаясь к геосистемному подходу, следует признать, что он «нацеливает на уяснение взаимосвязей между природными и природно-ресурсными потенциалами», и что до настоящего времени «преобладают оценки единичного ресурса, в то время как необходимо переходить к оценке их территориальных сочетаний. Более того, возникает потребность в совместной оценке не только природных ресурсов, но и природных условий» [9, с. 62].

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ СИСТЕМЫ

Территориально-хозяйственные системы (ТХС) рассмотрены В.Н. Лаженцевым на двух уровнях: локальном и региональном. В свою очередь, локальные представлены на уровне домохозяйств, территориальной общины и муниципалитета.

Что касается домохозяйств, то здесь следует обратить внимание на два обстоятельства. Первое — при всем уважении к А.В. Чаянову, вряд ли правомерно утверждение автора монографии, согласно которому *«А.В. Чаянов создал теорию и статистику крестьянского хозяйства...»* [9, с. 69]. Конечно же, теория крестьянского хозяйства — это А.В. Чаянов, но также и А.Н. Челинцев, и Н.П. Огановский, и Б.Д. Бруцкус, и еще много первоклассных экономистов-аграрников конца XIX — начала XX в.¹ Второе — не вызывает возражения утверждение о том, что *«научной организацией подсобных хозяйств, включая и дачные, на государственном уровне управления никто не занимается»* [9, с. 73]². Хотя, наверное, трудно найти в нашем отечестве более массового экономического агента.

На территориальных общинах, как локальных ТХС, следует остановиться подробнее, в силу того, что редкий современный исследователь обращает внимание на этот тип экономических систем, хотя он того заслуживает. Конечно, можно соглашаться или нет с трактовкой общины как группы людей, *«проживающих в пределах населенного пункта (села, деревни, города) и связанных общими хозяйственными, политическими, духовными интересами. Важнейшая характеристика общины — наличие у каждого из ее членов сознания своей принадлежности к определенному, отличному от других, коллективу»* [8, с. 83], но то, что поселенный (мелкопоселенный, в первую очередь) уровень экономической деятельности оказался обделенным вниманием современных исследователей, — факт, не вызывающий сомнений.

В этой связи рассмотрение общины, то есть фактически общности по поселению, в качестве института территориального развития, как предлагает В.Н. Лаженцев, представляет несомненный интерес. Правда, здесь есть одна тонкость: чтобы община стала институтом территориального развития, необходимо гражданское общество и такой необходимый атрибут последнего, как дееспособное местное самоуправление. Однако пока не приходится говорить ни о зрелом гражданском обществе, ни о реальном местном самоуправлении.

Переходя к муниципалитетам — третьему типу локальных ТХС, обратим

¹ Подробно о вкладе отечественных экономистов-аграрников в исследование территориальной структуры сельской экономики см. в [4].

² Отметим, что это мнение разделяют, в частности, такие авторитетные отечественные географы, как Н.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш и др. [15].

внимание на важный в методологическом отношении тезис: *«Если для устойчивого бытия общины необходима дозированная пропорция индивидуального и общественного, то муниципальное образование существует при определенном соотношении общественного и государственного»* [9, с. 93].

Интересно еще одно положение, имеющее принципиальный характер: *«Местная экономика нацелена не на прибыль, а на рост ресурсов коллективного пользования и предоставление качественных социальных услуг; она играет также роль амортизатора роста цен и тарифов на социально значимые товары и услуги. Она не может быть полностью погружена в рыночные отношения»* [9, с. 94]. Это утверждение резонно вызывает вопросы: а какая экономика нацелена на прибыль; и почему местная экономика, как и любая другая должна быть сугубо рыночной?

Можно предположить, что и на уровне общины, и на всех других уровнях ТСХ, как локальных, так и региональных (о которых речь ниже), для устойчивого их развития необходим учет интересов и индивидуальных, и общественных (то есть групповых), и государственных.

Далее рассмотрим ТСХ регионального уровня, зафиксировав крайне важное, хотя и далеко не бесспорное положение, сформулированное автором: *«В условиях разнообразия форм собственности следует признать объективную целесообразность перевода узловых проблем комплексного развития производительных сил регионов с государственного уровня в систему фирменных стратегий»* [9, с. 105].

Тот факт, что экономика современной России характеризуется многообразием форм собственности, как и то, что при всех издержках она все-таки является рыночной, вряд ли дает основание для такого утверждения, особенно когда речь идет о проблемах комплексного развития производительных сил регионов. Действительно, в условиях рыночной экономики решение, если и не всех, то значительного числа проблем развития экономики отдельных регионов, вряд ли возможно без учета корпоративных стратегий, но их сумма никоим образом не может заменить региональной экономической стратегии. Хотя при определенных условиях (при доминировании в экономике региона вертикально интегрированной компании) региональная экономическая стратегия практически вырождается в стратегию корпоративную.

Следует остановиться на областных, а затем и на крупных экономических районах, как двух разновидностях региональных ТСХ. Но по причине того, что анализ региональных ТСХ дан В.Н. Лаженцевым преимущественно по *«материалам российского Севера»*¹, представляется целесообразным осветить для начала «общие вопросы» формирования региональных ТСХ.

¹ В качестве модельных объектов областных ТСХ выступает Республика Коми, а крупного экономического района – Двино-Печорский район.

«Областной район — административно-территориальная единица страны, обладающая социальными и экономическими ресурсами, достаточными для выполнения государственных функций и оказания почти полного набора социальных услуг населению» [9, с. 98] — таково определение, данное автором, которое в целом отвечает традиционному представлению о том, что есть экономический район областного уровня¹.

Что же касается крупного экономического района, то это, по мнению В.Н. Лаженцева, есть не что иное, как *«опорное образование в территориальной структуре народного хозяйства страны, плацдарм реализации государственной политики в области размещения производительных сил и реализации национальных проектов рационального природопользования и охраны окружающей среды»* [9, с. 123].

Эта область теории и практики регионального управления вращается вокруг того, каким образом соотносятся между собой экономическое районирование и административно-территориальное устройство страны. По большому счету это не что иное, как поиск ответа на вопрос: имеет ли место единство экономического районирования и административно-территориального деления или нет?

Современное территориальное устройство России В.Н. Лаженцев характеризует как *«проблемное, т. е. во многих отношениях неудовлетворительное»* [9, с. 124]. С этим не поспоришь, как и с тем, что *«...когда-то актуальный вопрос о соотношении крупных экономических районов и федеральных округов (по умолчанию) был снят с «повестки дня», что не снимает саму проблему территориального устройства страны»* [9, с. 124]. Суть проблемы *«заключается не в том, чтобы выявить уникальные свойства конкретных местностей (хотя это тоже важно), а в понимании общих закономерностей районообразования и установлении соответствия территориально-ресурсной емкости районов стратегическим планам устойчивого научно-технологического и социально-экономического развития России»* [9, с. 124].

Своего рода ядрами районов, по мнению В.Н. Лаженцева, могут стать территориально-производственные системы, среди которых особую роль он отводит производственно-территориальным холдингам, давая при этом следующее пояснение: *«Называя холдинг производственно-территориальным, мы хотим подчеркнуть его особый тип, характерные черты которого — территориальное единство, многопрофильная специализация и соответствующие этому специальные технологии... с единым планом освоения и использования природных ресурсов и охраны окружающей среды»* [9, с. 124].

¹ «Область» в понимании сотрудников Госплана первой половины 1920-х гг. — это все-таки не современный областной район, а скорее то, что позднее стали называть крупным экономическим районом (КЭР) [4].

В качестве предпосылок создания такого рода территориально-производственных систем автор рассматривает:

- *«наличие на выделенной для освоения территории хотя бы одного вида ресурса (месторождения полезного ископаемого), остро необходимого народному хозяйству и с гарантированным спросом на внутреннем рынке;*
- *наличие других видов ресурсов, представляющих интерес для народного хозяйства в настоящее время или в ближайшей перспективе;*
- *понимание целесообразности снижения удельных затрат в производственную и социальную инфраструктуру за счет их пропорционального распределения по основному и ряду побочных продуктов;*
- *разработанный по государственному заказу проект освоения данной территории и ее конкретных ресурсов (технически возможного и экономически целесообразного) с выбором центра переработки и технологий районного (группового), экспедиционного и вахтового методов освоения ресурсов;*
- *наличие распорядительного центра, способного интегрировать материальные, финансовые и интеллектуальные ресурсы отдельных исполнителей проекта» [9, с. 152–153].*

Приведенный фрагмент позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, если имеет место территориальное сочетание природных ресурсов, то их совместное использование может привести к дополнительным экономическим эффектам. Это укладывается в концепцию территориально-производственного комплексообразования, основы которой были заложены в работах И.Г. Александрова и Н.Н. Колосовского, относящихся еще к 1920–1940-м гг. Естественно, с поправкой на то, что современная экономика России имеет рыночный характер.

Во-вторых, в качестве необходимого условия эффективного использования территориального сочетания природных ресурсов рассматривается участие государства, и не только в выборе методов освоения, но и в определении места организующего центра территории, в пределах которой планируется реализация проекта.

В-третьих, реализация проекта освоения территориального сочетания природных ресурсов предполагает формирование управляющей структуры.

И если к вышесказанному добавить достаточно четко сформулированную позицию В.Н. Лаженцева относительно того, что есть кластер и что есть комплекс¹, то можно прийти к заключению: потенциал концепции ТПК вовсе

¹ *«Кластеры стали отличаться от территориально-производственных комплексов по признаку движущих сил их формирования (кластер – продукт рынка; ТПК – плана и административных решений), а также по признаку целевых установок» [9, с. 153]. Тогда как несколькими страницами ниже: «Кластер – система, но не комплекс. Систем гораздо больше, чем комплексов. Комплекс в отличие от системы должен иметь орган управления, как минимум, координирующий» [9, с. 156].*

не исчерпан, и в условиях рыночной экономики есть место и для ТПК различного типа и масштаба. Более того, автор рассматривает ТПК как форму *«реализации крупных народнохозяйственных программ, как правило, в регионах нового освоения»* [8, с. 153]¹.

РОССИЙСКИЙ СЕВЕР: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЕГО БУДУЩЕГО

В содержании монографии нет специального раздела, посвященного экономическим проблемам российского Севера. Но через всю книгу «красной нитью» проходит тема российского Севера, и это неудивительно: В.Н. Лаженцев — один из авторитетнейших специалистов по российскому Северу. Созданная им в Сыктывкаре научная школа известна своими работами не только в России, но и за ее пределами.

Рассмотрим научные положения, которые формируют своего рода теоретическое основание исследовательской программы.

Во-первых, это не декларативное, а реальное междисциплинарное изучение экономики российского Севера и в первую очередь Севера Европейской России. Можно спорить о том, насколько органично или, напротив, эклектично соединение в рамках этой исследовательской программы экономических, географических, социологических и экологических концепций. Но то, что на протяжении уже не одного десятилетия В.Н. Лаженцеву с коллегами по Институту социально-экономических и энергетических проблем удается получать нетривиальные результаты, используя междисциплинарный подход при исследовании проблем северной экономики, это неоспоримый факт.

Во-вторых, последовательно развиваемое положение о многообразии российского Севера. Как отмечает автор, сложность интегрального районирования Севера *«определяется разнохарактерностью северных проблем»* [9, с. 125]. Более того, Север «не является и в принципе не может быть системой» [9, с. 125]. Можно сказать более точно — Север не является экономическим районом, но, вне всякого сомнения, является макроэкономической зоной².

В данном случае речь идет не о зонировании и даже не об экономическом районировании, а о том, каким образом провести делимитацию экономического пространства Севера для целей регулирования экономической

¹ Очевидно, в этой связи следует вспомнить и концепцию программных ТПК М.К. Бандмана с его коллегами по ИЭОПиП [1].

² Наверное, не случайно, что в заключении Север автором монографии определяется как природно-экономическая зона [9, с. 212].

деятельности на северных территориях. По мнению В.Н. Лаженцева, так как целенаправленная экономико-географическая деятельность (то есть создание территориальных экономических систем) здесь невозможна, то *«научное же содействие федеральному управлению заключается в создании искусственной системности»* [9, с. 125].

И с этой целью автор предлагает инструментарий анализа экономики и социальной сферы северного пространства в трех географических проекциях: циркумполярной, широтной и меридиональной. Циркумполярная дает возможность оценить положение России в мировой зоне Арктики, попутно формируя условия для определения южной границы не только арктической зоны, но и северных территорий. Широтная проекция *«наиболее конструктивна в части установления нормативов регулирования экономического и социального развития регионов»* [9, с. 127]. Меридиональная проекция *«фиксирует производственно-технологические взаимосвязи по линии «Север – Юг»* [9, с. 127]. Причем, если выделение широтных зон, по мнению В.Н. Лаженцева и его коллег, *«обычно соответствует дифференциации территории по климатическим и другим физико-географическим показателям»* [2, с. 489], то мегаструктуры меридионального направления выделяются *«ради актуализации направлений транспортно-производственного каркаса страны и совершенствования территориальной структуры хозяйства»* [2, с. 490]¹.

В-третьих, исходя из признания того факта, что европейский Север отличается от азиатского более благоприятными природными условиями и сравнительно выгодным экономико-географическим положением, В.Н. Лаженцев делает вывод, что *«поиск КЭР в качестве макроединицы народного хозяйства страны на европейском Севере нам представляется правомерным»* [9, с. 129]. И поиск завершается признанием того, что *«Двино-Печорский район можно рассматривать в качестве крупного экономического района России»* [9, с. 147].

И хотя данное утверждение вступает в некоторое противоречие с приведенным выше мнением относительно того, что Север не то место, где следует использовать инструментарий экономического районирования, принимаем это как факт.

Очень может быть, что и Двино-Печорский КЭР в том виде, как он представлен в рассматриваемой работе, если его сравнивать с другими КЭР России, как минимум, далек от зрелости или, скажем, уровень его сформированности как территориальной экономической системы крайне невысок. И это несмотря на то, что процессы хозяйственного освоения этой территории насчитывают не одно столетие. Действительно, кто рискнет сказать, что яв-

¹ О зональном подходе в исследовании северных территорий, также о меридиональных мегаструктурах см. [2; 10; 11].

ляется организующим ядром этого КЭР? Архангельская агломерация, а может, двухполюсная система Вологда – Череповец? А может быть, таковым является Санкт-Петербург, но уже в рамках Северо-Запада? Наконец, может быть, Двино-Печорский КЭР не более чем субрегион, который с Карело-Кольским субрегионом формирует территориальное экономическое образование – европейский Север России? [7, с. 43].

Или процессы районообразования на севере идут не совсем так, как за пределами северных территорий? И может быть, не следует искать там КЭР в их традиционном понимании? Но все это не более чем вопросы, которые возникают при знакомстве с работами В.Н. Лаженцева и его коллег.

Что же касается рассмотрения северной проблематики на уровне областных районов, то здесь вопросов намного меньше. И есть целый ряд положений, представляющих интерес не только для Республики Коми, которая рассматривается в качестве областного района, но и для других северных районов этого таксономического уровня.

Прежде всего, это относится к анализу антикризисных мер, принимаемых на уровне областного района. Здесь позиция В.Н. Лаженцева заключается в следующем:

- *«антикризисные мероприятия, активно проводимые всеми органами управления хозяйством республики, по сути, являются экстренной реакцией на уже случившееся финансовое неблагополучие. Но их следовало бы проводить заблаговременно на основе познания природы экономической цикличности и совершенствования нормативного регулирования отношений между корпорациями и территориями с учетом такой цикличности;*

- *стандартное антикризисное мероприятие – создание дополнительных рабочих мест... в условиях Севера малоэффективно. ...Генеральным направлением является все же оптимизация количества и качества рабочих мест на основе научно-технического прогресса в природно-ресурсных отраслях хозяйства и в сфере услуг;*

- *антикризисную роль играет межрегиональная и – при определенных условиях – межстрановая интеграция»* [9, с. 119].

ПЛАНИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Исходная позиция по данному вопросу зафиксирована В.Н. Лаженцевым в следующих выражениях: *«Ценностные ориентиры должны быть зафиксированы в явном виде: необходимо также четко сформулировать целеполагание – намерение управленца (или исследователя), целеопределение – корректировка намерений под влиянием конкретных обстоятельств, целереализация – выбор специфических средств решения ключевых проблем»* [9, с. 181–182].

При этом автор отдает себе отчет в том, что в сложившейся в настоящее время системе государственного управления место «территориального планирования» не очень-то определено и к тому же «грешит» административно-формальными признаками. Поэтому В.Н. Лаженцев считает необходимым *«проводить линию разграничения между официальным территориальным планированием и планированием территориального развития, научное содержание которого показано выше <...> Планирование территориального развития является «сквозным», выступает как принцип территориальности»* [9, с. 182].

Что же касается самой технологии планирования территориального развития, то здесь есть несколько интересных, хотя и небесспорных положений.

В частности, по мнению автора монографии, *«...органы центрального, регионального и муниципального управления, а также общественного самоуправления сами должны проводить диагностический и прогнозный анализ, выбирать для решения приоритетные проблемы, составлять концепции, стратегии, программы, проекты, планы, вести мониторинг их выполнения, придавая каждому этапу организационно-управленческой деятельности специфическое содержание»* [9, с. 184].

Трудно согласиться с уважаемым автором относительно того, что стратегический анализ, разработка концепций региональных стратегий может быть исключительной прерогативой органов управления и общественного самоуправления. Как показывает и отечественная, и зарубежная практика планирования территориального развития, без участия науки перечисленные выше вопросы не поднять. При этом не вызывает возражений утверждение о том, что наука *«рекомендует придерживаться определенных правил принятия решений (в нашем случае, общих алгоритмов и логики совершенствования структуры, регулирования, формирования и развития территориально-хозяйственных систем)»* [9, с. 185].

Дискуссионное положение относительно планирования территориального развития касается северных территорий и логически вытекает из посылки, согласно которой Север не есть хозяйственная система. Это дает автору основание утверждать, что *«применительно к Северу (как природно-экономической зоне) полезно анализировать общие тенденции и концептуально определять доктрину развития, однако бесполезно разрабатывать стратегию и программу. Эти этапы – прерогатива отдельных северных регионов»* [9, с. 212].

Можно предположить, что если последовательно следовать принципу территориальности, имеющему, как это было сказано выше, «сквозной» характер, то приведенное выше положение требует, как минимум, уточнения. Дело в том, что на Севере, и особенно в Арктике, Россия имеет целый ряд проблем экономического и социального (не считая геополитического) характера, решение которых невозможно или неэффективно без участия госу-

дарства. Это, в свою очередь, предполагает разработку и реализацию государственной стратегии по созданию на Севере и в Арктике эффективных как в экономическом, так и в социальном отношении ТХС. Это вовсе не отрицает необходимости разработки и реализации экономических стратегий отдельных северных регионов, причем не только уровня «областных» районов, но и экономических микрорайонов.

И в этой связи неплохо вспомнить работы первой половины 1920-х гг. по территориальному устройству сибирского Севера, в частности, статью Н.П. Миротворцева 1923 г. [14, с. 71].

Приведем несколько положений из этой статьи. Положение первое: *«Замыкание глубокого сибирского Севера в особую специальную зону с совершенно особыми естественно-историческими условиями и физико-географическими признаками при специальных формах экономических взаимоотношений... невольно подсказывает мысль о выделении его в особую административно-экономическую единицу, управляющуюся на иных государственно-правовых основаниях, чем области... в южных частях с более плотным населением»* [14, с. 71].

Положение второе: *«С принципиальной точки зрения, задачи развития и управления северных областей явственно распадаются на две весьма не равноценные части: 1) развитие и охрана общегосударственных интересов в общегосударственном порядке и 2) охрана и забота о развитии народностей далекого Севера в порядке частно-правового хозяйства. Очень трудно задачи первого рода возлагать на будущие управления южных сибирских областей...»* [14, с. 72].

Что же касается задач общегосударственного характера, то к таковым Н.П. Миротворцев предлагал отнести:

- 1) выяснение естественных ресурсов северных областей, полезных ископаемых, лесных, рыбных и пушных богатств и т. п.;
- 2) охрану природных богатств от хищнического и нерационального их использования;
- 3) заботы об экономическом развитии Севера путем разработок полезных ископаемых, налаживания транспорта, внешнего и внутреннего товарообмена и т. п.;
- 4) точное определение местных и федеративных экономических задач и форм их разрешения в зависимости от общегосударственной и мировой экономики [14, с. 72].

Третье положение: *«при будущем административном устройстве Севера, прежде всего, следует отграничить общегосударственные связи его с центром и непосредственно связать Север с Федерацией в этом отношении»* [14, с. 72].

Приведенные выше положения — вовсе не рецепты для решения проблем северных территорий, как и их обустройства, это не более чем информация к размышлениям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Единственное, что осталось сделать автору этих строк, так это сказать Виталию Николаевичу Лаженцеву большое спасибо за книгу, а заодно выразить сожаление, что вне рассмотрения остался ряд сюжетов. В частности, рациональное природопользование в контексте устойчивого территориального развития и проблемы рационального использования природно-ресурсного потенциала в пределах северных территорий; аграрный сектор и традиционное хозяйство коренных жителей Севера¹.

И самое что ни на есть последнее: в нашу эпоху многостраничных фолиантов, как правило, с необозримым количеством авторов и далеко не всегда понятной логикой изложения, приятно взять в руки нормальную по объему монографию.

Монографию, в которой авторская мысль укладывается в логику, доступную читателю, интересующемуся вопросами теории и практики территориального развития и планирования.

Монографию, в которой сформулирована оригинальная научно-исследовательская программа, имеющая междисциплинарный характер, в рамках которой территориальное развитие трактуется как деятельность по формированию и качественному преобразованию ТХС. А на фоне общих тенденций территориального развития показана его северная специфика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бандман М.К. Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований. Новосибирск: Наука, 1980. 256 с.
2. Баймакова Е.П., Дмитриева Т.Е., Лаженцев В.Н. Север и его роль в пространственном развитии России // *Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез*. М.: Медиа-Пресс, 2013. С. 479–517.
3. Демьяненко А.Н. Внутрирегиональное разнообразие как фактор модернизации экономического пространства // *Регионалистика*. 2015. № 2. С. 6–20.
4. Демьяненко А.Н. Экономическое районирование: вопросы теории и истории. Ч. I. Хабаровск, 2010. 224 с.
5. Дмитриева Т.Е. Факторы развития периферийных регионов // *Север и Арктика в пространственном развитии России: научно-аналитический доклад*. Москва – Апатиты – Сыктывкар, 2010. С. 19–23.
6. Дмитриева Т.Е. Территориальная организация северного региона // *Север: проблемы периферийных территорий*. Сыктывкар, 2007. С. 57–86.
7. Лаженцев В.Н. Некоторые итоги изучения пространственных аспектов развития Европейского Севера России // *Регионалистика*. 2015. Т. 2. № 1. С. 42–48.

¹ Что касается последнего из перечисленных сюжетов, то материалы, содержащиеся в монографии, получили дополнительное освещение в публикации [8].

8. Лажнецов В.Н. Аграрный сектор и традиционные отрасли хозяйства // Российская Арктика: современная парадигма развития. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 498–520.

9. Лажнецов В.Н. Содержание, системная организация и планирование территориального развития. Екатеринбург – Сыктывкар, 2014. 236 с.

10. Лажнецов В.Н. Исходные положения теории и методологии пространственного развития // Север и Арктика в пространственном развитии России: научно-аналитический доклад. Москва – Апатиты – Сыктывкар, 2010. С. 12–18.

11. Лажнецов В.Н. Пространственное развитие (примеры Севера и Арктики) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2010. Вып.1. С. 97–104.

12. Лажнецов В.Н. Территориальное развитие: методология и опыт регулирования. СПб.: Наука, 1996. 109 с.

13. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Очерки по пространственной экономике. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с.

14. Миротворцев Н.П. Об экономическом и административном устройстве необжитых территорий Сибирского севера // Бюллетени Госплана. 1923. № 10. С. 70–79.

15. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. М.: Ленанд, 2013. 456 с.

16. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страны. М. – Л., 1928. 311 с.

17. Сочава В.Б. Введение в учение о геосистемах. М.: Наука, 1978. 319 с.

ABOUT THE TERRITORIAL ORGANIZATION OF SOCIETY AND TERRITORIAL PLANNING (on the book by V.N. Lazhentzev «Content, System Organization and Planning of Territorial Development»)

A.N. Demyanenko

Demyanenko Aleksander Nikolaevich – Doctor of Geography, Professor, Chief Researcher. Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042. E-mail: demyanenko@ecrin.ru.

The review of the monograph by V.N. Lazhentzev «Content, System Organization and Planning of Territorial Development» analyzes the author's basic concepts of territorial development. The emphasis is on the author's observation of the processes of territorial development; practice, theory and methodology; territorial-economic systems; and planning of territorial development. The article analyzes the author's views on issues of spatial development of Russia. Special attention is paid to the problems of Northern regions development.

Keywords: review, monograph structure, territorial-economic systems, territorial development, organization, planning, Northern territories, Russia.

REFERENCES

1. Bandman M.K. *Clusters: Theory and Practice of Pre-Planning Studies*. Novosibirsk, 1980, 256 p. (In Russian).

2. Bashmakova E.P., Dmitrieva T.E., Lazhentsev V.N. The North and its Role in the Spatial Development of Russia. *Fundamental Issues of Spatial Development of the Russian Federation: Interdisciplinary Synthesis*. Moscow, 2013, pp. 479–517. (In Russian).

3. Demyanenko A.N. Intraregional Diversity as a Factor in the Modernization of the Economic Space of the Far East. *Regionalistica – Regionalistics*, 2015, vol. 2, no. 2, pp. 6–20. (In Russian).
4. Demyanenko A.N. *Economic Zoning: Questions of Theory and History*. Part I. Khabarovsk, 2010, 224 p. (In Russian).
5. Dmitrieva T.E. Factors in the development of peripheral regions. *The North and the Arctic in the Spatial Development of Russia: Analytical Report*. Moscow – Apatity – Syktyvkar, 2010, pp. 19–23. (In Russian).
6. Dmitrieva T.E. Territorial Organization of the Northern Region. *North: Problems of Peripheral Areas*. Syktyvkar, 2007, pp. 57–86. (In Russian).
7. Lazhentsev V.N. Some Results of the Study of the Spatial Aspects of the Development of Russian European North. *Regionalistica – Regionalistics*, 2015, vol. 2, no. 1, pp. 42–48. (In Russian).
8. Lazhentsev V.N. Agricultural Sector and Traditional Sectors of the Economy. *Russian Arctic: Modern Development Paradigm*. Saint-Petersburg, 2014, pp. 498–520. (In Russian).
9. Lazhentsev V.N. *Content, System Organization and Planning of Territorial Development*. Ekaterinburg – Syktyvkar, 2014, 236 p. (In Russian).
10. Lazhentsev V.N. The Original Tenets of the Theory and Methodology of Spatial Development. *The North and the Arctic in the Spatial Development of Russia: Analytical Report*. Moscow – Apatity – Syktyvkar, 2010, pp. 12–18. (In Russian).
11. Lazhentsev V.N. Spatial Development (North and Arctic Regions as Examples). *Izvestiya Komi Nauchnogo Tsentra UrO RAN – «Proceedings» of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences*, 2010, issue 1, pp. 97–104. (In Russian).
12. Lazhentsev V.N. *Territorial Development: Methodology and Experience of Regulation*. Saint-Petersburg, 1996, 109 p. (In Russian).
13. Minakir P.A., Demyanenko A.N. Очерки по пространственной экономике. Khabarovsk: Economic Research Institute FEB RAS, 2014, 272 p. (In Russian).
14. Mirotvortsev N.P. On Economic and Administrative Structure of Uninhabited Siberian Territories of the North. *Bulleteni Gosplana* [Bulletins of the State Planning Commission], 1923, no 10, pp. 70–79. (In Russian).
15. Nefedova T.G. *Ten Burning Issues about Rural Russia: Responses Geographer*. Moscow, 2013, 456 p. (In Russian).
16. Semenov-Tyan-Shansky V.P. *Region and Countries*. Moscow-Leningrad, 1928, 311 p. (In Russian).
17. Sochava V.B. *Introduction to the Doctrine of Geosystems*. Moscow, 1978, 319 p. (In Russian).